

Татьяна Абиссин

Фэй Родис

ЛЕДИ
И ОБОРОТЕНЬ

16+

Татьяна Абиссин
Леди и оборотень

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Абиссин Т.

Леди и оборотень / Т. Абиссин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-11025-0

Бланка, единственная дочь графа, с детства окружена любовью и заботой. Однажды она встречает мальчика, которому в жизни повезло гораздо меньше. Он не только беден, лишён семьи и друзей, но ещё и является оборотнем - одним из тех, кого простые люди боятся и ненавидят, а знать использует в своих целях. Дружба между Бланкой и Расселом со временем становится чем-то большим. Но шансы на счастливое будущее призрачны, потому что девушка обещана в жены другому, а оборотни, как считается, не способны любить по-настоящему. Автор обложки Татьяна Медведева.

ISBN 978-5-532-11025-0

© Абиссин Т., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

Сквозь открытое окно в классную комнату доносилось весёлое чириканье воробьёв. Один из них, самый бойкий, сел на подоконник и деловито осмотрелся, не дадут ли чего вкусненького. Потом повернулся, распушил хвост и спланировал на землю.

Бланка с завистью проследила за ним взглядом. Как хорошо быть птицей! Ни забот, ни хлопот. Никто не заставляет в солнечный летний день сидеть в классе и постигать надоевшую географию Растоши.

Негромкое «кхм, кхм», прозвучавшее со стороны учительского стола, говорило о том, что её рассеянность заметили.

– Вы увидели за окном что-то интересное? – с обманчивой мягкостью осведомилась Эдита, гувернантка девушки. – Прошу вас, поделитесь с нами.

Почувствовав устремлённые на неё взгляды – насмешливый Ильяса и спокойный Рассела – Бланка покраснела и помотала головой. Потом немного нервным движением схватила перо и принялась водить им по бумаге, делая вид, что записывает последнюю цитату, прозвучавшую из уст гувернантки.

– Итак, продолжим, – Эдита ткнула указкой в большую карту, висевшую на стене. – Растошь, где мы с вами живём, довольно большое государство. Её площадь составляет...

Голос Эдиты сливался в один неясный гул. Бланка снова поймала себя на том, что отвлекается. Обычно гувернантка рассказывала куда более интересно, и девушка слушала её с удовольствием, но не в этот раз. То ли тема оказалась скучной, то ли солнечный луч, впервые за несколько дней пробившийся сквозь тучи, отвлёк её внимание.

Повернув голову, Бланка уткнулась взглядом в затылок Рассела, занимавшего крайний стол. Он сидел, держа спину прямо, и, кажется, за весь урок ни разу не пошевелился. Лежащий перед ним лист был полностью исписан мелким, но разборчивым почерком.

«Отлично, – подумала Бланка, – есть, у кого переписать лекцию». Она вдруг вспомнила, сколько сил потратила, чтобы уговорить отца позволить Расселу посещать занятия. Тот ни в какую не хотел, чтобы его единственная дочь обучалась одновременно со слугой. Пусть даже они выросли вместе, и тот является её официальным защитником.

«Что за глупости! Судить о человеке только потому, сколько у него знатных предков. Рассел куда способнее, чем я. И уж точно талантливей Ильяса».

На мгновение девушка залюбовалась чётким профилем Рассела, оттенённым шапкой чёрных кудрей. Потом почувствовала чужой взгляд и, повернув голову, заметила, как Ильяс поспешно наклонился к своей работе. Его лист был весь в помарках и заполнен едва ли наполовину.

Бланка приподняла бровь. Похоже, не только ей сегодня скучно. Впрочем, она и раньше ловила взгляды двоюродного брата, но никогда не задумывалась, что же за ними скрывается.

Спроси её, кто такой Ильяс, она бы коротко ответила, «племянник моего отца». Вряд ли она смогла бы описать его характер или привычки, несмотря на то, что молодой человек прожил в их доме почти два года. Бланка просто не замечала того, что считала неважным для себя.

– Можно задать вопрос? – ворвался в её мысли голос Рассела. Девушка прислушалась, потому что Рассел не так уж часто вступал в разговор. И никогда не болтал зря.

Дождавшись кивка Эдиты, парень продолжил:

– Вы сказали, что границы Растоши надёжно охраняются, и никто, кроме аристократов и богатейших купцов, не выезжает за пределы страны. Почему? Разве у нас плохие отношения с соседями?

– Труссы! Они просто нас боятся, – бросил Ильяс. – И завидуют.

– Не совсем так, – мягко возразила Эдита. – Вот уже полвека, как закончилась последняя война. Растошь поддерживает мир с соседними государствами. Но, пережитые беды остались в памяти, слишком много людей погибло. Правители Растоши решили, что не допустят подобного, и прибегли к неким... экспериментам, которые осуждаются в других странах.

Бланка отметила, что женщина не сказала «мы». Как и раньше, она мягко отстранилась от жителей Растоши. Наверное, это понял и Ильяс, потому что негромко хмыкнул:

– То же мне секрет... Почти в каждой знатной семье имеется. Эксперименты.

– Вы желаете что-то добавить, Ильяс? – в голосе гувернантки послышался холод.

Ильяс отрицательно помотал головой. Ему совсем не хотелось, чтобы женщина начала его «гонять» по изученному материалу, да ещё в присутствии Бланки.

– Отлично. Тогда перейдём...

– Простите, госпожа Эдита, – снова вмешался Рассел. Бланка удивлённо посмотрела на него. Её друг редко проявлял настойчивость. – Я читал одну книгу...

– Слуга умеет читать! – пробормотал себе под нос Ильяс. – Какое чудо!

– ... и в ней утверждалось, что в северо-западной части Растоши границы с древних времён не охраняются. Это правда?

Гувернантка внимательно посмотрела на него, потом повернулась к карте. Бланке почудился тихий вздох, словно Эдита не могла решить, стоит ли говорить об этом:

– Верно. У короля Растоши не так много солдат, чтобы разбрасываться ими. Но посмотрите на карту. На северо-западе находится Гнилое болото. Это дурное место. Только животные могут отыскать среди топей безопасную тропу. Почти все люди, пытавшиеся пройти болото, обратно не вернулись. Правда, это были беглые преступники, а существует предание, что человек, запятнавший себя убийством, не выйдет из Гнилого болота.

Повисло молчание. Рассел крутил в пальцах перо, думая о своём. Бланка перехватила подозрительный взгляд, брошенный Ильясом в сторону её друга: «Похоже, кузен решил, что Рассел собирается бежать. Глупости! Он никогда не оставит меня».

Эдита снова повернулась к карте, указав на страну, лежавшую по другую сторону от Гнилого болота. Её лицо осветила улыбка, смягчив строгие черты:

– Анарбель. Место, где я родилась. Там очень красиво. И люди добрее друг к другу, нет таких сословных предрассудков, как в Растоши, – она вдруг осеклась. – Простите, я увлеклась. На сегодня урок окончен. Домашнее задание – подготовить эссе на тему географического положения Растоши. Все свободны.

Бланка не торопилась подниматься из-за стола. Ей показалось, что Эдита расстроена.

– Что-то случилось? – негромко спросила она, подходя к гувернантке, когда за Расселом и её кузеном закрылась дверь.

Эдита, отрешённо смотревшая в окно, вздрогнула от неожиданности. В тёмно-синем платье с кружевным воротником, блестящими чёрными волосами, стянутыми на затылке в узел, она казалась идеальной учительницей – спокойной, собранной, терпеливой. Но только не сейчас, когда её губы кривила горькая усмешка, а от лица отхлынула кровь.

Впрочем, это продолжалось недолго. Но Бланка заметила, потому что знала Эдиту слишком хорошо.

– Ещё не ушла? Я видела, как ты наблюдала за воробьями во время урока. Надоели мои занятия?

– Занятия – да, – честно призналась Бланка. – Но ты мне никогда не надоешь.

Эдита рассмеялась. Смех у неё оказался приятным, звонким, не вязавшимся со строгим обликом. Поддавшись порыву, Бланка наклонилась и обвила её шею руками, как в детстве.

Несколько мгновений они стояли так близко, что Бланка чувствовала легкий запах духов, исходивший от женщины. О маленькой слабости гувернантки – любви к ароматам розы и сандала – знали все в доме.

Эдита осторожно высвободилась из объятий.

– Ты такая честная. Говоришь, что думаешь. Совсем как Мейлин.

Бланка с любопытством взглянула на неё. Эдита редко вспоминала её мать, словно само имя прежней хозяйки причиняло женщине боль.

– Я не всегда буду рядом с тобой, Бланка, – вздохнула наставница. – Ты уже взрослая, должна принимать самостоятельные решения. К сожалению, твой отец и я слишком тебя опекали. Иногда мне кажется – я научила тебя всему, что знаю, кроме главного: как выжить в этом мире.

– «Не делай людям того, чего сама не желаешь», и «слушай своё сердце», – процитировала Бланка. – Разве этого недостаточно?

Эдита снова улыбнулась так, как получается у взрослого, который слушает лепет ребёнка.

– Не всегда, хоть принципы и правильные. Но порой их соблюдение ведёт к гибели. Предлагаю использовать ещё один – «думай своей головой». А теперь иди погуляй, Бланка. В такой чудесный день нельзя сидеть в четырёх стенах.

Классная комната находилась на втором этаже большого каменного дома, построенного ещё прапрадедом Бланки. С тех пор уже несколько раз менялась мебель, ковры, занавески, в соответствии с требованиями моды или вкусом новых хозяев, но сам дух родового гнезда Варнсов оставался неизменным. Он словно свидетельствовал о верности долгу и традициям, а также принадлежности к старой, проверенной временем и многими испытаниями, аристократии.

В детстве Бланка даже боялась проходить по узким тёмным коридорам, а уж о том, чтобы спуститься одной в подвал, и говорить не стоило. Сами комнаты, заставленные мебелью и украшенные изящными безделушками, с картинами в тяжёлых позолоченных рамах и скульптурами, привезёнными из разных уголков страны, и даже из-за границы, подавляли её избыточной роскошью. Став старше, она упростила отца поменять обстановку в своей спальне, гостиной и комнате Эдиты. Эти места она называла «своими», в отличие от других в доме.

Спустившись по широкой, застеленной дорожкой лестнице в гостиную, она привычно задержала взгляд над портретом, находящимся на стене над камином. На нём была изображена прелестная девушка в платье из розового шёлка. Длинные светло-каштановые волосы развевались по ветру, к груди юная прелестница прижимала охапку полевых цветов. Одна ромашка, будто случайно, выпала из букета на землю. За спиной девушки простирался залитый солнцем луг. Казалось, сейчас она наклонится, подберёт упавший цветок и пойдёт дальше.

Художник постарался сделать картину как можно более светлой и яркой, полной летней свежести и чистоты. Здесь не наблюдалось ни золота, ни тяжёлой парчи, ни дорогих украшений, которые так любили знатные дамы. Зато девушка выглядела живой и невероятно привлекательной, в отличие от леди, изображенных на парадных картинах, висевших в галерее особняка Варнсов.

И всё же, глядя на портрет своей матери, Бланка не могла отделаться от мысли, что та выглядит печальной. Неуловимая скорбь читалась в складке губ, в задумчивом взоре серых глаз. А ведь портрет был написан вскоре после свадьбы Мейлин с графом Варнсом...

Бланка со вздохом подумала, что очень мало знает о матери. Словно её жизнь началась с той минуты, как она вошла в этот дом в качестве хозяйки. И Мейлин почти не оставила следов после себя, кроме этого портрета, любимых книг, бережно хранимых Эдитой, нескольких рисунков и вышивок. А также написанного от руки сборника лекарственных трав и рецептов мазей и настоев.

«Интересно, живы ли мамины родные? Почему отец никогда не говорит о них? Отчего они не приезжают в гости? Возможно, из-за того, что мама родом из Анарбель. Её близкие не пересекали границу... Но они могли хотя бы написать!»

Лёгкий шорох за спиной заставил Бланку обернуться. На пороге гостиной стоял её кузен, держащий в руках альбом для рисования и краски. Он выпрямился, как положено отпрыску благородной семьи, но его руки дрожали от напряжения, с трудом удерживая широкий и толстый альбом.

– Ильяс? – удивилась девушка. – Думала, ты давно ушёл. Что ты здесь делаешь?

– Я принёс твой альбом для рисования, кузина. Ты же хотела закончить пейзаж после обеда, не так ли?

– Очень мило с твоей стороны, – заученно ответила Бланка, сразу понимая, что поработать над рисунком сегодня не получится. Ильяс будет сидеть рядом, следить за каждым её движением, давать непрошенные советы или просто болтать.

«Зачем отец однажды привёз его? Без моего двоюродного брата дышалось легче».

Ободрённый её словами, Ильяс шагнул вперёд. В ту же секунду альбом выскользнул из его пальцев, и рисунки рассыпались по всему полу.

– О... Прости, Бланка, я не хотел! – он принялся торопливо сгребать листы в одну кучу, не замечая, что мнёт тонкую бумагу.

Бланка отвернулась, скрывая улыбку, чтобы не обидеть парня: Ильяс очень самолюбив. Ему и так казалось, что в доме дяди слуги относятся к нему с недостаточным уважением. А уж насмешку двоюродной сестры он бы запомнил надолго.

– Я пойду, Ильяс. Кстати, когда соберёшь наброски, можешь оставить альбом в гостиной. Я передумала, не буду сегодня рисовать.

Бланка повернулась и исчезла за тяжёлой дверью. В глубине души она надеялась, что избавилась от компании кузена хотя бы на этот день.

Глава 2

Эдита читала книгу, когда услышала, как скрипнула лестница под медленными тяжёлыми шагами. «Дети», как она по-прежнему называла Бланку и юношей, бегали очень быстро и о своём приближении заявляли шумом и спорами, слуги же появлялись неслышно, как мыши. Так что Эдита ничуть не удивилась, увидев на пороге классной комнаты графа.

Она, молча, встала и поклонилась. Граф ответил холодным кивком. Чуть подволакивая правую ногу – сказывалась старая рана – он пересёк комнату и сел за стол, который недавно занимала его дочь. Правда, мужчине пришлось сторбиться и неловко поджать под себя ноги.

Эдита чуть слышно вздохнула. Как быстро летит время! Даже если не подходить к зеркалу, окружающие тебя люди не позволят о нём забыть. Когда она впервые увидела графа Дейла Варнса, это был обаятельный и сильный мужчина, с копной чёрных, как смоль, волос, с одинаковым успехом сражавшийся на дуэлях и сочинявший стихи для прекрасных дам.

Сейчас же перед ней сидел человек, лишь отдалённо напоминающий того красавца. В волосах появились серебряные нити, глаза ввалились, на лбу и возле губ пролегли глубокие морщины. Но, главное: изменился взгляд, став потухшим, неживым, словно Дейла ничего на свете больше не интересовало.

– Сегодня прекрасная погода, тепло и солнечно, – обронил граф, чтобы нарушить молчание.

Эдита согласно кивнула:

– Да, господин граф. Если вы хотели увидеть Бланку, то она гуляет в саду. Занятия уже закончены.

Мужчина повернулся к окну. Его лицо смягчилось, когда он заметил мелькнувшее среди деревьев белое платье дочери. Потом мужчина снова обратился к Эдите:

– Вообще-то, я пришёл поговорить с тобой, Эдита. Ты провела в этом доме двадцать лет, ты уже давно не гувернантка, ты – член нашей семьи.

– Благодарю вас, господин граф. Я просто выполняла свой долг. Я обещала Мейлин позаботиться о её дочери. Но вы ведь не это хотели обсудить?

– Ты, как всегда, проницательна, – усмехнулся граф. – Дело в том, что Бланке скоро исполнится восемнадцать лет. Думаю, её нечему больше учить.

По спине Эдиты пробежал холодок. Чтобы скрыть волнение, женщина начала переставлять перья в вазочке, находившейся на письменном столе. Немного помедлив, она ровным голосом сказала:

– Вот как. Вы правы, господин граф. Мне начинать собирать вещи?

– Конечно, нет, – Дейл резко поднялся и отошёл к окну, – вечно ты к словам цепляешься. Я хотел сказать, что моя дочь довольно взрослая, чтобы подумать о замужестве. Но тебя никто не выгоняет. За эти годы ты стала для Бланки кем-то вроде родной тётушки. Можешь жить в этом доме, сколько захочешь.

Эдита побарабанила пальцами по столу, краем глаза заметив, как поморщился граф. Ей тоже не нравились люди с дурными привычками, но себе она позволяла маленькие слабости.

Откинувшись на спинку стула, наставница Бланки думала о том, как много лет назад мечтала вырваться из поместья графа. И, вообще, из Растоши. Она скучала по родине, по близким, по маленьким уютным домикам, расположенным на берегу реки, по любимым с детства песням, по тёплым солнечным дням, продолжавшимся большую часть года. Когда Эдита, уступив просьбам Мейлин, приехала в Растошь, она и представить не могла, что задержится так надолго.

И сейчас у неё появилась возможность исполнить давнюю мечту – вернуться домой. Но почему она не чувствует себя счастливой? Почему ей страшно даже думать о возвращении?

Прошли годы, и в Анарбель всё изменилось: многих из тех, кого она знала, уже нет в живых. Но хуже всего для Эдиты разлука с воспитанницей, самым близким для неё человеком после Мейлин.

И всё же, одно женщина знала точно – она не останется в доме Варнса после замужества Бланки. Ни на минуту.

– Благодарю вас, господин граф, – сказала Эдита, – но я давно собиралась вернуться на родину. Бланка выйдет замуж и уедет к мужу. Её кузен и Рассел выросли. Зачем нужна гувернантка, если в доме нет детей, чтобы их воспитывать?

– А, что, если, – медленно произнёс граф, обернувшись к ней, – Бланка останется?

Эдита вздрогнула. Казалось, что граф с лёгкостью читает все её тайные мысли.

– Боюсь, что не понимаю. Разве вы не собирались породниться с семьёй Стинков, выдав Бланку за их старшего сына?

– Да, когда-то я рассматривал этот вариант. Да и, кроме Стинков нашлись бы женихи, ведь Бланка – красавица, к тому же богата, и принадлежит к знатному роду. Но я передумал.

Эдита промолчала. Ей не нравилась напускная таинственность. Граф прослыл человеком, который редко меняет решения. Если он вознамерился не выдавать дочь за одного из лучших женихов страны, для этого есть веская причина.

Мужчина внезапно улыбнулся:

– Всё очень просто. Когда родилась Бланка, я, конечно, обрадовался, но надеялся, что следующим будет сын, наследник титула и состояния. Но судьба лишила меня этого.

Эдита вскинула голову. В её глазах, твёрдо встретивших взгляд графа, вспыхнул недобрый огонёк:

– И кто же в этом виноват, смею спросить?

Заметь эту сцену слуги или младшие члены семьи Варнс, они бы не поверили своим глазам: граф, надменный даже с равными себе, опустил голову после слов простой гувернантки.

– Я, – признался Дейл, – я во всём виноват. И каждый день казню себя за это. Поверь, Эдита, самый жалкий преступник в тюрьме короля, лишённый еды и солнечного света, счастливее меня. По крайней мере, ему есть, кого обвинять в своих несчастьях. Но невыносимо знать, что ты собственными руками разрушил свою жизнь.

«И не только свою», – вздохнула про себя гувернантка.

– Только неужели за эти годы, я не заслужил хотя бы снисхождения? – в его голосе послышалась мольба. Эдита отвела глаза. – Ты всё ещё ненавидишь меня, верно?

Не дождавшись ответа, Дейл продолжил:

– Помню, когда-то ты сказала, что с радостью уничтожила бы меня своими руками. Я всё понимаю и не оправдываюсь. Но, подумай хотя бы о Бланке. Она – моя плоть и кровь. Каково девочке будет жить дальше, зная, что её «тётушка», самый близкий ей человек, ненавидит её отца? Если ты меня не простишь...

– Я никогда не говорила Бланке дурного о вас, – хрипло сказала Эдита. Её пальцы сжали карандаш с такой силой, что грифель сломался. – Она знает только то, что вы горячо любили её мать и заботились о ней. Но это – не ради вас, а ради девочки. Мейлин хотела, чтобы она была счастлива. И зачем вам – моё прощение? Я – не ваша покойная жена.

– Всё равно. Если ты меня простишь, значит, простит и она.

Эдита выбросила обломки карандаша в стоявшую под столом корзину и вытерла испачканную ладонь. Её лицо осунулось и точно постарело, словно печальные воспоминания добавили сразу с десятков лет.

Она некоторое время молчала, не замечая, как граф с надеждой смотрит на неё:

– Оставим этот разговор, господин граф. Ни к чему, кроме новой ссоры, он не приведёт. Возможно, в будущем... Но сейчас я не в силах переломить себя. А вам не нужно формальное прощение, не так ли?

Дейл выпрямил спину. На его губах застыла неестественная усмешка – нечто среднее между улыбкой и гримасой:

– Что ж, подождём, вдруг твои чувства изменятся. А пока вернёмся к основной теме нашей беседы. Бланка – всё, что у меня есть. Я вдруг понял, что не хочу разлучаться с дочерью, отдавать её в чужую семью, видеть своих внуков раз в год. Я этого не вынесу. И я нашёл выход.

– Не выдавать Бланку замуж? – гувернантка иронически подняла брови.

– Отчего же. Я решил выбрать такого жениха, который согласился бы жить в нашем доме. Тогда старший из моих внуков продолжил бы род Варнсов и со временем унаследовал титул и семейное состояние.

Эдита вдруг догадалась, к чему он клонит, и ужаснулась. Пока граф неторопливо прохаживался по комнате, рассуждая о том, какой муж нужен его дочери, женщина тихо повторяла про себя: «Пожалуйста, только не он! Скажи, что я ошибаюсь, и ты не сделаешь этого!»

– Я всё обдумал. Во-первых, мой будущий зять должен происходить из знатной семьи, но необязательно богатой – так он будет больше ценить то, что получит после женитьбы на Бланке. Во-вторых, он должен любить мою дочь. В-третьих, доказать мне свою верность и преданность. Современные молодые люди сплошь шалопаи, и больше думают об охоте и развлечениях, чем о семье и прославлении рода. Они мне даром не нужны.

Дейл перевёл дыхание. Воспользовавшись паузой, Эдита спросила:

– Вам трудно угодить, господин граф. Позвольте спросить, вы уже нашли такой бриллиант?

– А как ты думаешь, зачем два года назад я взял в свой дом Ильеса? Он младший сын моего брата, и носит нашу фамилию. Не слишком красив, правда, но это только к лучшему: зачем Бланке муж, за которым будут увиваться другие дамы? Ещё любовницу заведёт. А за Ильесом я давно наблюдаю. Он умён, послушен и делает всё, что я скажу. И явно неравнодушен к моей дочери. Если я объявлю об их помолвке, с ума сойдёт от радости.

«Он-то, конечно, – подумала Эдита. – А вот Бланка?!»

Лёгкая улыбка осветила лицо графа Дейла: он уже ясно представлял себе счастливое будущее, в одном доме с дочерью и зятем. Эдита сделала попытку остановить его:

– Прекрасный план, господин граф. Бланка создаст семью и в то же время останется рядом с вами. Но к чему спешить? Ваша дочь слишком молода. Брак с кузеном не принесёт ей ни титула, ни положения в обществе. Если она проведёт хотя бы один сезон в столице, у неё не будет отбоя от женихов.

– Ты, что, не слушала, Эдита, – сердито перебил её граф, – я же ясно дал понять, какой зять мне нужен.

«Вам нужен! О дочери вы не думаете!» – захотелось крикнуть Эдите. Но она, разумеется, сдержалась.

– Прошу, выслушайте меня. Зачем спешить с помолвкой? Бланке через месяц исполнится восемнадцать. Поговорите с дочерью: вдруг ей уже кто-то нравится? Даже если вы не хотите отпускать её на сторону, учитывая ваше богатство и положение в обществе, легко найдётся человек...

Граф несильно ударил по столу ребром ладони, но стакан с карандашами жалобно звякнул, а часть бумаг упала на пол.

– Достаточно, Эдита, – ледяным тоном произнёс он. – Я принял решение, и не изменю его. Мне лучше знать, подходит ли Ильяс на роль мужа моей дочери. А дело Бланки – подчиниться приказам родного отца.

Эдита поняла, что проиграла. У неё вертелась на языке фраза о том, что Бланка не любит своего кузена, но она не решилась её озвучить. Это лишь сильнее разозлило бы графа. Поэтому она только поднялась и поклонилась хозяину.

Но в её глазах застыло отчаяние, пока она наблюдала, как граф медленно идёт к выходу. Ей хотелось схватить его за руку и закричать: «Не повторяйте старых ошибок. Вы разрушили жизнь Мейлин. Прошу, не делайте этого с Бланкой!»

Когда с гулким стуком дверь классной комнаты захлопнулась, Эдита упала на стул. Она уже давно не плакала – наверное, с того дня, как простилась с Мейлин – но сейчас вдруг почувствовала, как глаза наполняются влагой.

«История повторяется, – лихорадочно думала она, стирая со щёк солёные капли, – сначала Мейлин, теперь Бланка. И снова брак без любви. А я опять ничего не могу сделать, чтобы не допустить этого».

Глубоко вздохнув, Эдита попыталась взять себя в руки. Граф просто поделился с ней планами. Ничего ещё не решено. Он может и передумать, получив более выгодное предложение относительно Бланки, или разочаровавшись в душевных качествах своего племянника. И даже заключённая помолвка – это ещё не свадьба.

Эдита открыла верхний ящик стола и достала небольшой предмет, бережно завернутый в бумагу. Это оказалась миниатюра овальной формы, изображавшая светловолосую девушку.

«Мейлин», – сквозь слёзы улыбнулась женщина. Этот предмет ей подарила сама подруга, незадолго до сватовства графа Варнса. Тогда Мейлин умела весело смеяться, заставляя людей оборачиваться, глядя ей вслед.

«Ты ведь предвидела это, правда, – прошептала Эдита. – Что твою дочь, так же, как и тебя, выдадут замуж против воли. Ты не хотела для неё такой судьбы. Но насколько, же проще жить, если сердце никем не занято! И ты придумала, как облегчить ей жизнь! Ты всегда была такой умной, Мей. Но, несмотря на твой секрет, у меня беспокойно на душе. Даже если всё пройдёт гладко, и я смогу выполнить твою последнюю просьбу, не уверена, что Ильяс станет хорошим мужем для Бланки. Графу Варнсу нравится этот парень, а мне – нет. Я не верю в его искренность. Жениться на Бланке для него – всё равно, что найти клад. Это сразу решит все его проблемы. Но, даже если он действительно увлечён твоей дочерью, то от этого только хуже. Потому что она смотрит совсем в другую сторону. И если бы не происхождение Рассела, и связанные с этим предрассудки, то лучшей пары для Бланки я бы не желала».

Эдита снова завернула портрет в бумагу и убрала его. Надо будет захватить его с собой, когда она покинет этот дом.

А пока – сделать всё возможное, чтобы свадьба Бланки с её кузеном не состоялась.

Глава 3

Бланка повернулась и придиричливо осмотрела себя. Большое, до самого потолка, зеркало отразило стройную девичью фигурку в платье из тёмно-синего шёлка. Отделанный кружевом корсаж подчёркивал небольшую, но аккуратную грудь, руки были обнажены, так же, как и часть спины. Браслеты на запястьях, одно золотое кольцо и длинные серьги в ушах (юным девушкам не полагалось носить много украшений, это считалось вульгарным) удачно дополняли туалет. И всё же, чего-то не хватало.

Бланка отвернулась от зеркала, подумав, что похожа на куклу из дорогой лавки. Блестящие переливы тканей, тонкое кружево, зачёсанные наверх и заколотые шпильками волосы – и никакого намёка на индивидуальность. Наверное, на балу будет с полсотни таких девиц, как она.

«Интересно, почему девушкам не позволяют одеваться по собственному вкусу? Кто определяет, что в этом сезоне модно? Длину юбки? Рукава? Розовый или сиреневый цвет? Но это делает женщин, да и мужчин неотличимыми друг от друга. Может, так и задумано? Одинаковая одежда и одни мысли. Очень удобно, спокойно и... невероятно скучно».

Прежде Бланка мечтала о том времени, когда не придётся никому подчиняться: ни свету с его условностями, ни отцу с его вниманием к мелочам и родовой спесью. Ей казалось, что взрослые свободны, ими никто не понукает, никто не следит за каждым шагом. А сейчас, став совершеннолетней, она вдруг поняла, что ничего не изменилось. Скорее, добавились десятки новых правил и требований...

«Тебе повезло родиться в знатной семье, дорогая, – вздохнула Эдита, когда девушка пришла к ней за советом, – ты всегда на виду. Люди будут обсуждать всё – от твоего нового платья до слишком долгого разговора с молодым человеком. Совершишь ошибку, её раздуют до размеров преступления. А будешь осторожна и не дашь повода для сплетен, о тебе скажут, что ты хитрая особа, и умеешь замечать следы».

«И что же делать?»

«Просто жить, Бланка. И по возможности счастливо».

Отгнав ненужные мысли, Бланка протянула руку к букету васильков, стоявшему на столе. Её лицо озарилось нежной улыбкой, когда девушка коснулась атласных лепестков. Но её радовали не столько цветы, сколько тот, кто их подарил.

Одной из причин, почему Бланке не хотелось ехать на бал, было то, что Рассел не мог её сопровождать. Слуги, тем более, такие как её защитник, не имели право появиться на празднике, устроенном аристократом. Даже Бланка с её обострённым чувством справедливости это понимала.

Ей пришлось сказать Расселу, что они не увидятся в течение двух дней. На лице парня ничего не отразилось – ни удивления, ни грусти. Порой девушка ненавидела его за внешнюю невозмутимость, хоть и разумом и понимала, что он в этом не виноват.

После завтрака Рассел ушёл. А потом, вернувшись в свою комнату, Бланка увидела на столе букет, перевязанный узкой ленточкой. Прижав васильки к груди, Бланка думала о том, что ближайшее пшеничное поле, где их можно нарвать, находится в нескольких милях от поместья, а дорогу размыло после сильных дождей. И всё же Рассел потратил время, чтобы её порадовать.

Девушка вытащила несколько цветков из букета и снова подошла к зеркалу. Ей хотелось украсить васильками строгую причёску.

– Госпожа Бланка, – воскликнула горничная, которая помогала ей одеваться, – что вы делаете?

Бланка пожала плечами:

– Собираюсь воткнуть цветы в волосы, а что?

– Но это же полевые цветы. Они подойдут разве что деревенской девушке. Если прикажете, я сбегая в сад за веточкой сирени или розы.

– Хороший совет, кузина, хоть ты и слышишь его от служанки! – раздался голос за её спиной.

Бланке не потребовалось оборачиваться, чтобы узнать двоюродного брата. Ильяс казался почти симпатичным в парадном костюме, сверкавшем серебряным шитьём. В петлице находилась белая с чёрной каймой роза. Не слишком красивые руки до самого локтя прятались в перчатках.

Он стоял, прислонившись к косяку двери, и, не таясь, рассматривал Бланку. Его взгляд скользнул по её спине и опустился ниже. Девушка тут же почувствовала себя неудобно, и пожалела о том, что платье слишком открытое.

«Впрочем, надень я мешок, он всё равно бы пялился», – подумала Бланка. Появление кузена, как всегда, вызвало в её душе только раздражение и злость, к которым примешивалась доля страха. Но внешне она ничем этого не показала:

– Что ты здесь делаешь?

– Пришёл напомнить тебе, что через полчаса мы выезжаем. Не хотелось бы опоздать из-за того, что ты не решила, какие серёжки сегодня наденешь.

– Я почти готова, – холодно отозвалась девушка, следя за его отражением в зеркале. – Отправляйся в гостиную и скажи отцу...

Ильяс прервал её нетерпеливым жестом:

– Это грубо, Бланка, не находишь? Я не твой слуга, чтобы давать мне поручения. И к тому же хотел, как лучше. Неужели, за всю мою заботу о тебе, ты не найдёшь для меня ни одного доброго слова?

Бланка вздрогнула. Ильяс в два шага пересёк комнату и остановился за её спиной. Он улыбался так нежно, как только мог, но в глубине его глаз горел мрачный огонёк, пугавший Бланку. Так кошка смотрит на мышонка, прежде чем его съесть.

Чужая рука почти коснулась плеча девушки, но та в последний миг увернулась.

– Я буду ещё больше ценить тебя, кузен, когда ты окажешься на расстоянии. Скажем, в столице, – прошипела Бланка. – Надо будет поговорить об этом с отцом.

Теперь испугался Ильяс. Его самоуверенный взгляд потух, рука, снова протянутая к Бланке, поспешно опустилась. Девушка прочитала в его взгляде отчаяние и злобу, которая могла быть выражена коротко: «Наглая девчонка! Она и в самом деле может это устроить!»

– Прошу прощения, дорогая кузина. Боюсь, мы не поняли друг друга. Я никогда не хотел доставлять тебе неудобства. К тому же мы одна семья, и должны помогать друг другу. Впрочем, что касается меня, то мои чувства уже давно перестали быть только родственными...

Бланка постучала каблуком о пол, прерывая его.

– Жаль разочаровывать, Ильяс, но для меня ты – только мой двоюродный брат, и ничего больше. А сейчас, будь добр, посторонись. Мне нужно закончить причёску.

Несколько мгновений в комнате царило молчание. Ильяс мрачно наблюдал за тем, как девушка закалывает шпильками полевые цветы, потом всё же не выдержал:

– Хочешь, чтобы над тобой на балу все смеялись? Или решили, что у графа Варнса нет денег на украшения для дочери? Прошу, кузина, одумайся. Если тебе так нравятся живые цветы, возьми мою розу. Это очень редкий сорт. Она белая, и чудесно оттенит цвет твоего платья.

Ильяс вытащил цветок из петлицы и протянул ей. Его пальцы чуть заметно дрожали, сжимая тонкий стебель. Сердце учащённо забилося, когда девушка перевела взгляд на пышную белую розу.

Если бы Бланка взяла цветок, кузен простил бы ей все обидные замечания, и даже высокомерные намёки на то, что он – ей не пара. Он бы выполнил любую её просьбу, любой каприз.

«И любил бы так, как никто не сможет любить», – с непривычной для себя нежностью подумал Ильяс.

На миг смягчившееся лицо Бланки дало ему надежду. Если не на взаимные чувства, то на понимание. Но потом девушка холодно покачала головой, поправила синий цветок в волосах и вышла из комнаты.

Ильяс сжал зубы так, что они скрипнули. Окинул комнату таким взглядом, что стоявшая рядом горничная Бланки отшатнулась к стене. Уронил на пол ненужную розу, даже не заметив этого.

Ему требовалось излить злость. И вдруг он заметил стоявшую на столе вазу с васильками. Парень нехорошо прищурился. Ещё вчера этих цветов в комнате Бланки не было.

– Откуда это? – он махнул рукой в сторону васильков.

Горничная, жалевавшая, что не сбежала сразу после ухода Бланки, задрожала:

– Мой господин, я не...

– Вот только не говори, что не знаешь, Мелли. И, если ты немедленно не ответишь на вопрос, можешь собирать вещи. Дядя будет недоволен, когда узнает, что слуги потворствуют капризам его дочери.

Ильяс перегибал палку, ведя себя, как хозяин дома или, по крайней мере, его наследник. Но горничная всё равно испугалась:

– Мой господин, я здесь не причём. Цветы для госпожи Бланки присылает садовник.

Усмешка на лице Ильаса больше напоминала оскал. Он демонстративно вытащил один из васильков и, сжав в ладони, превратил в мелкое крошево.

– Не надо делать из меня идиота, девочка. С каких пор васильки растут в нашем саду? До ближайшего пшеничного поля несколько миль...

Он замолчал, словно озарённый какой-то мыслью. Потом, брезгливо отшвырнув обломки цветка, прошипел:

– Рассел. Этот мальчишка... Кроме него, никто не мог!

Побледневшее лицо служанки подтвердило его подозрения. Резко повернувшись, Ильяс сбил со стола вазу, и с удовольствием наступил на осколки стекла, перемешанные с головками тёмно-синих цветов и листьями.

– Что вы делаете, мой господин? – вскрикнула служанка.

– Какая жалость, – с наигранным раскаянием произнёс Ильяс. – Я случайно задел рукой вазу. К счастью, она не была ценной. Хотя, для этих жалких цветочков Рассела даже глиняный горшок слишком хорош.

Настроение Ильаса немного улучшилось. Он вздыхал только об одном – что не удалось также легко вырвать васильки из причёски Бланки. Возможно, с прядью этих нежных белокурых локонов.

Ильяс криво усмехнулся, представив себе залитое слезами красивое лицо кузины. Будь его воля, она не только не смела бы принимать цветы от своего слуги, но и даже смотреть в сторону Рассела. Или сильно пожалела бы об этом.

«Ты всего лишь избалованная девчонка, Бланка. Жаль, что дядя не научил тебя главному для женщины – покорности и послушанию. Но я займусь твоим воспитанием сразу после свадьбы. А что касается этого выскочки Рассела... Отправлю туда, где таким уродцам самое место. Нужно только найти подходящий лагерь, чтоб не забили до смерти в первые же дни. Хочу растянуть удовольствие».

– Ильяс! Сколько можно тебя ждать! – прогремело с первого этажа. Ильяс, вырванный из приятных мечтаний, вздрогнул и торопливо шагнул к двери.

– Господин... – робко напомнила о себе горничная. Ильяс, не оборачиваясь, бросил на пол серебряную монету.

– Прибери здесь. И если Бланка спросит, то вазу разбила ты. Вряд ли она будет бранить тебя: моя кузина слишком добрая.

– А о вас такого не скажешь, – произнесла Мелли, но недостаточно тихо, чтобы Ильяс не услышал.

Кузен Бланки развернулся на каблуках, и, в два шага подойдя к служанке, сжал её запястье с такой силой, что девушка вскрикнула от боли.

– Смелая, да? Думаешь, если ты – горничная Бланки, тебе всё позволено?

– Простите меня, господин, – заплакала та. – Я просто не подумала...

Ильяс скользнул ладонями по телу служанки, которая напрасно пыталась отодвинуться: «Неплохая фигурка. Можно немного поиграть, разу уж Бланка недоступна».

– Что ж, малышка. Пожалуй, я прощу тебя, но взамен ты придёшь в мою комнату, скажем, через две ночи. Сегодня я уезжаю в гости, но потом обязательно уделю тебе время.

– Господин Ильяс, – глаза Мелли расширились от страха.

– И я забуду об этом маленьком недоразумении, – пробормотал кузен Бланки, с некоторым сожалением выпуская из рук служанку. И, не оглянувшись, вышел из комнаты.

Глава 4

Эдита откинулась на спинку широкой деревянной скамьи. В её руках быстро мелькали спицы, образуя сложный узор. Женщина не сбивалась, не считала петли, несмотря на то, что мысли её были очень далеко от жилетки, которую она вязала.

Она то и дело поднимала голову, чтобы взглянуть на «детей», как она до сих пор называла Бланку и Рассела. Что до Ильаса, то, несмотря на то что последние два года он был с ними неразлучен, и всегда вёл себя безукоризненно по отношению к гувернантке, парень не вызывал у Эдиты добрых чувств.

Но сейчас она жалела, что не уделяла ему достаточно внимания. Вдруг у неё были бы доказательства своим подозрениям? И граф Варнс прислушался бы к ней, прежде чем решиться на помолвку Ильаса со своей дочерью.

Донёсшиеся до неё негодующие крики заставили Эдиту подняться и подойти к молодым людям. Она окинула их спокойным, внимательным взглядом, отметив открытую улыбку Бланки, лёгкий поклон Рассела и сдвинутые на переносице брови племянника графа. Впрочем, тот тут же отвернулся.

– Что случилось? – ровным голосом спросила Эдита. – Мальчики, вы, что, поссорились?

– Ссориться с ним? – сквозь зубы процедил Ильяс. – Слишком много чести.

Рассел ничего не ответил, лишь скользнул равнодушным взглядом по кузену Бланки. Так смотрят не на человека или животное, а на какую-нибудь вещь, не имеющую значения. Эдита вздохнула про себя, подумав, что, если бы Рассел был другим, открытым и эмоциональным, его общение с Ильасом протекало бы более гладко.

А так, один злится и ненавидит, а второй даже не понимает, за что. Ведь Рассел просто выполняет свою работу, находясь рядом с Бланкой. То, для чего его создали.

«Интересно, он испытывает какие-то чувства к Бланке, кроме преданности? Или же это невозможно?»

Эдита повернулась к воспитаннице.

– Может, ты расскажешь, что произошло?

– Не стоит внимания, – девушка явно смутилась под устремлёнными на неё взглядами. – Просто я хотела узнать, сможет ли Рассел обежать весь сад за минуту. А Ильяс...

«Вмешался. Как всегда, – закончила за неё Эдита. – Парень в последнее время сам не свой. Ни на минуту их наедине не оставляет. Неужели тоже узнал о планах графа и грядущей помолвке?»

– Я думаю, что моей кухне, девушке из знатной семьи, не пристало проводить время с каким-то слугой. Ты уже не ребёнок, Бланка. Такое легкомысленное поведение может навредить репутации семьи, – напыщенно, явно подражая своему дяде, заявил Ильяс.

– Следи лучше за собой!

– Тихо, тихо, – Эдита развела ладони в стороны, – нет ничего плохого в том, чтобы размять ноги. Тебе, Ильяс, пробежка тоже не помешает. Может, устроим состязание?

В глазах Ильаса промелькнул заинтересованный огонёк. Даже Рассел, сосредоточенно копавший землю носком ботинка, поднял голову.

– И на каких условиях?

– Весь сад обегать не надо. Думаю, господину графу не понравится, если вы вытопчете его редкие цветы или сломаете кусты роз. Лучше пробежать по дорожке вокруг дома. Победит тот, кто придёт первым.

Бланка захлопала в ладоши, глядя на Рассела. Похоже, она не сомневалась в том, кто выиграет состязание. Ильаса снова уязвило то, что девчонка даже ради приличия не пожелала удачи и ему.

– А какой приз? – громко спросил он, и, сделав вид, что задумался, добавил, – может, поцелуй моей прекрасной кухни?

Бланка покраснела. На щеках Эдиты тоже выступили пятна, но отнюдь не от смущения.

– Вы забываетесь, Ильяс, – обронила она. – Сомневаюсь, что господину графу понравятся подобные шутки. К тому же вдруг вы проиграете?

Не слушая сбивчивых слов Ильяса, который пытался извиниться, гувернантка вытащила из кармана платья какую-то вещицу. Это оказался браслет из крупных разноцветных бусин, нанизанных на нитку.

В этом украшении не было ничего необычного. Большинство людей даже не обратили бы внимания на безделушку, стоившую меньше медной монеты. Но для Рассела и его соперника браслет не имел цены, потому что его сделала Бланка.

– Я думаю, – слабо улыбнулась Эдита, – Бланка не будет возражать, если я подарю победителю браслет, сделанный её руками. Не золотой и не серебряный, зато второго такого нет во всей Растоши!

Бросив жадный взгляд на приз, Ильяс отвернулся. Он предпочёл бы поцелуй Бланки или что-нибудь посущественней, но браслет тоже неплохо. Потому что отнять у Рассела вещь, принадлежащую его хозяйке, само по себе немало.

«Так же, как однажды я заберу саму Бланку», – с такими приятными мыслями Ильяс, вслед за Расселом, подошёл к большому кусту сирени, нависавшему над дорожкой.

Эдита взмахнула кружевным платочком, подав знак к началу состязания. Парни сорвались с места, и, спустя несколько мгновений скрылись за поворотом дорожки.

Бланка нетерпеливо прогуливалась вдоль клумбы с гладиолусами, вглядываясь вдаль. В руках она теребила сорванную веточку сирени, даже не замечая этого.

Эдита только вздохнула, когда вдали показалась стройная юношеская фигура. Тёмные волосы растрепались на ветру.

«Как и следовало ожидать, победил Рассел. И даже не запыхался, – отметила она, наблюдая, как зардевшаяся от счастья Бланка подошла к своему другу, чтобы надеть браслет, – красивая пара. Как жаль, что они никогда не смогут быть вместе».

Женщина провела рукой по лбу, отгоняя грустные мысли. И вздрогнула, почувствовав жгучий, полный злости и ярости, взгляд.

Повернувшись, она не удивилась, заметив тяжело дышащего Ильяса. Парень даже не стал заканчивать круг. Он стоял в десяти шагах от парочки и не сводил с них глаз. Его лицо искажала такая боль, что Эдита порадовалась тому, что молодёжи не разрешают носить оружие. Будь у него хотя бы кинжал, Расселу бы не поздоровилось. А, возможно, и Бланке.

«Это просто невозможно. Я давно знала, что Ильяс ревнив, но чтобы настолько!» – она решительно шагнула вперёд, закрывая собой молодую пару.

– Что ж, Рассел, поздравляю. Ильяс, ты тоже молодец, показал себя достойным соперником. Думаю, пора идти в дом. Скоро дождь начнётся, – она осторожно подтолкнула в спину воспитанницу, всё ещё державшую Рассела за руку.

– Так нечестно, – глухо произнёс Ильяс. – Я прекрасно бегаю, и смог бы победить любого человека. Но соревноваться с этим... зверем. Это же смешно! Их же специально делают такими! Сильными, быстрыми и очень опасными.

Бланка растерянно выпустила чужую ладонь. По лицу Рассела скользнула тень, или это просто солнце скрылось за облаком?

– Достаточно, Ильяс, – с непривычной резкостью одёрнула его гувернантка.

– Но это же правда, госпожа Эдита! Его нельзя сравнивать с нами! И ему здесь не место. А вдруг он нападёт на вас, меня или даже Бланку. Что вы тогда скажете?

На землю упали первые крупные капли, спустя несколько мгновений сменившиеся проливным дождём.

– Скажу, что ты не понимаешь, о чём говоришь, – женщина подтолкнула Бланку в сторону дома, и та бросилась бежать, прикрывая голову руками. Рассел последовал за своей хозяйкой. – И, если бы дядя тебя услышал, ты бы горько пожалел об этом. Существование таких, как Рассел – один из секретов этой страны. Насколько мне известно, все, допущенные к тайне, дают клятву неразглашения. А ты кричишь об этом на весь сад!

Ильяс молчал. Холодные капли стекали по его лицу, но он их даже не смахивал. Губы, и без того узкие, сжались в нитку.

– Почему вы защищаете его, Эдита? Вы же ненавидите Растошь и её порядки. Вы считаете всех нас, родившихся здесь, варварами. Почему же вы заботитесь об этом... звере? Не боитесь его? Или считаете, что он – особенный?

Эдита обхватила себя руками. Лёгкая накидка на плечах насквозь пропиталась водой и ничуть не защищала от холода. Ей вдруг стало жаль племянника графа. Как бы он ни старался, ему никогда не сравниться по силе с Расселом, никогда не достичь его уровня. И никогда не завоевать сердца Бланки.

– Сейчас не подходящее время для таких разговоров, Ильяс. Я не хочу подхватить простуду. А ты зря нападаешь на Рассела, пытаешься его унижить. Это только отдаляет тебя от Бланки. Прошу, подумай об этом.

– Почему, – почти беззвучно прошептал Ильяс, – чем я хуже его?

Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться на мокрой траве, Эдита направилась к дому. Ей не хотелось больше общаться с Ильясом. Взрослый парень, сам разберётся.

И всё же она обернулась. Племянник графа стоял под дождём, не шевелясь, словно пытаясь раствориться в потоке падающей с неба воды.

У Эдиты защемило сердце. Почему люди так мучаются?

– Бланка, пожалуйста, следи за осанкой, – привычно заметила гувернантка. Девушка, сидевшая напротив неё, тотчас выпрямилась. – Рассел, ещё чашку чая?

– Нет, спасибо, – Рассел отрицательно покачал головой, отчего длинная иссиня-чёрная прядь упала ему на щёку. Он осторожно поставил изящную фарфоровую чашечку на блюдечко.

– А я, пожалуй, выпью ещё. Очень вкусные булочки с маком, – Бланка собиралась подняться, когда сидевший рядом кузен опередил её, взяв её чашку. Девушке оставалось только наблюдать, как он обходит стол, чтобы вернуться с ароматным напитком.

Ильяс склонил голову набок, наблюдая за ней. Стоило девушке протянуть руку, как он поднял чашку, не позволяя до неё дотронуться.

– А волшебное слово?

Серые глаза Бланки потемнели. Тем не менее, она ответила ровным тоном:

– Спасибо, кузен. Ты, как всегда, очень любезен.

Ильяс сдвинул брови. Слово «любезен» несло некоторый пренебрежительный оттенок и в основном употреблялось по отношению к слугам. Ему оставалось только гадать, хотела ли Бланка подчеркнуть различие в их положении, или же это случайная оговорка.

– Я могу быть ещё более любезным, кузина, если захочу, – вкрадчиво произнёс он, передавая чашку так, чтобы коснуться её пальцев. Девушка ничего не заметила, а по телу Ильяса, напротив, словно искра пробежала. Он сжал ладонь, пытаясь сохранить это случайное прикосновение.

Бланка сделала маленький глоток. Чай, казавшийся ей таким ароматным всего минуту назад, вдруг потерял свой вкус. Чуть слышно вздохнув, она отставила чашку и протянула руку за булочкой.

Ильяс, по-прежнему следивший за ней, заметил, как рукав блузки скользнул вниз, обнажив тонкое запястье Бланки. На нем болтался браслет из бусин, точь-в-точь такой же, что несколько дней назад выиграл Рассел.

Ильяс моргнул, не веря своим глазам. Нет, он не мог ошибиться! Слишком долго и жадно он рассматривал браслет, доставшийся победителю. Но, если так, значит, Бланка всё-таки передумала. Его кузина не такая глупая, как он о ней думал. Дочь графа поняла, что Рассел ей не ровня, и не имеет права носить её подарок.

Дыхание сбилось. Ильяс, не глядя, схватил свою чашку и осушил её. Охватившую его радость было невозможно описать словами. Он повернулся к Расселу, собираясь пошутить над тем, как быстро у женщин меняются предпочтения, и замер на полуслове. Запястье Рассела обхватывал браслет, представлявший собой копию того, что носила Бланка.

Ильяс беззвучно выругался. Хотелось вскочить и разгромить весь стол, сбросив на пол кружевную скатерть, старинный фарфор и булочки. Ударить Рассела, который, казалось, смеялся над ним, и схватить за волосы Бланку, по-прежнему спокойно пьющую чай.

«Как она могла! Не только отдать слуге свой браслет, но ещё и себе сделать такой же! Когда-нибудь ты заплатишь мне за это, Бланка! А что касается Рассела...»

Он не успел закончить свою мысль, потому что, повернув голову, встретился с колющим взглядом гувернантки. Женщина словно предупреждала его: «Не делай глупостей!»

– Что-то не так, Ильяс? Ты не заболел?

– Всё в порядке, – процедил он. Потом поднялся и налил полную чашку чая, с сожалением отметив, что тот немного остыл.

Проходя мимо Рассела, Ильяс сделал вид, что споткнулся и выронил чашку. Спустя секунду коричневый напиток оказался на коленях парня.

– Ой, прости-прости. Я такой неуклюжий, – протянул он, даже не пытаясь изобразить, будто сожалеет о случившемся. Потом повернулся, и, не замечая ничего вокруг, бросился к дому. Вслед ему неслись возмущённые крики женщин и спокойный голос Рассела. Но Ильяс уже ничего не видел и не слышал.

Глава 5

Гувернантка пришла вечером, когда Ильяс не ждал. Провалившись целый день в кровати, бездумно глядя в потолок, он уже не понимал, что чувствует. Горечь? Обиду? Ревность? Желание отомстить? Или же все чувства отгорели, оставив после себя только сосущую пустоту в душе?

Когда послышался осторожный стук в дверь, Ильяс немного оживился. Для Мелли ещё слишком рано. Девчонка приходила в его комнату в сумерках, чтобы остаться незамеченной. Но, может, сегодня она изменила своим правилам? Тем лучше, он не против развлечься.

Когда на пороге появилась Эдита, Ильяс разочарованно вздохнул. Эту женщину он не любил и даже немного побаивался. Парню казалось, что она видит его насквозь.

Несмотря на это, он учтиво поклонился ей. Было бы глупо получить врага в лице женщины, близкой к семье графа Варнса.

– Госпожа Эдита, какой приятный сюрприз!

– Не думаю, – гувернантка окинула комнату внимательным взглядом, потом опустилась на стул. Ильяс остался стоять, надеясь, что нежеланная гостья скоро уйдёт.

– Я хотела поговорить о том, что ты устроил сегодня утром, – сразу перешла к делу Эдита.

Ильяс иронически приподнял бровь. Кажется, гувернантка по-прежнему считает его глупым ребёнком и собирается поучить его хорошим манерам.

– Не понимаю вас, госпожа. Если вы о той чашке чая, что я случайно пролил, то я сожалею об этом. И уже принёс извинения.

– Не прикидывайся невинной овечкой, – женщина постучала пальцами по столу. – Может, Бланка, тебе и поверила, но я – нет. Ты прямо в лицо переменялся, когда увидел браслет Рассела. Я даже испугалась, что ты набросишься на него прямо за столом.

«Вы слишком наблюдательная, Эдита. Как бы вам однажды не пожалеть об этом!» – Ильяс убрал руки за спину. Из его голоса исчезли вкрадчивые нотки, словно он уже не считал нужным притворяться:

– И что с того? Я не обязан давать вам отчёт в своих поступках. Я – племянник графа Варнса и его будущий наследник. Следите лучше за этим зверем в человеческом обличье, за Расселом. Вот кого нужно держать в клетке, а не усаживать за один стол с нами!

Эдита не сразу нашлась с ответом. Потом выпрямилась, гордо вскинув голову:

– Не повышай на меня голоса, мальчик! Даже граф Варнс себе этого не позволяет. И, кстати, ты пока ещё не наследник. Богатые люди очень переменчивы. Сегодня они к тебе милостивы, а завтра – выбросят тебя за порог, как надоевшую игрушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.